

Научная статья
УДК 34.01

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД
НА МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ИНСТИТУТ ПРАВОВОЙ ЦЕНЗУРЫ**

Виктория Владимировна Губанова
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, Viktoriagub@mail.ru

Аннотация. В статье автором проанализированы основные этапы развития института цензуры в мировой практике и в российском государстве. Установлено, что цензура обладает амбивалентным потенциалом. Сделан вывод о том, что она представляет собой эффективный механизм управления информационной средой, а направленность ее потенциала во многом определяется социокультурным и правовым контекстом. Современная политико-правовая действительность Российской Федерации характеризуется формально негативным отношением к цензурной деятельности как практике государственного управления, что в эксплицитной форме выражено в ее законодательном запрете. В то же время реалии объективной действительности в лице угроз национальной безопасности, исходящих от геополитических врагов России, открыто декларирующих свои цели по «нанесению стратегического поражения России» и активно применяющих возможности информационно-идеологического воздействия на население государств-оппонентов, диктуют потребность оформления особого правового института, способного эффективно защищать информационное пространство государства от деструктивной информации. Потенциалом такого института обладает правовая цензура как основанный на правовых началах фильтр информационного поля страны от вредоносной информации.

Ключевые слова: право, цензура, правовая цензура, правовое воспитание, управление, национальная безопасность, информационные атаки.

Для цитирования: Губанова В. В. Ретроспективный взгляд на межотраслевой институт правовой цензуры // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 11–20.

Original article

**RETROSPECTIVE VIEW
ON THE INTERSECTORAL INSTITUTE OF LEGAL CENSORSHIP**

Victoria V. Gubanova
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Volgograd, Russia, Viktoriagub@mail.ru

Abstract. This article deals with the analysis of main stages of the development of the institution of censorship both in the world practice and in the Russian Federation. The author states that censorship has an ambivalent potential. The author makes a conclusion that censorship is an effective mechanism to administer the information sphere, as well as the direction of its potential is largely determined by the socio-cultural and legal contexts. Modern political and legal reality of the Russian Federation is characterized by a formally negative attitude towards censorship as a practice of state administration, which is explicitly demonstrated in its legislative prohibition. At the same time, the realities of modern world represented by threats to national security from Russia's geopolitical enemies, who openly declare their goals "to defeat Russia strategically" and actively use the possibilities of informational and ideological influence on the population of their opponents, dictate the necessity to establish a special legal institution capable to effectively protect the information sphere of the state from destructive information. Legal censorship has the potential of such an institution as a legally based filter of the country's information sphere from malicious information.

© Губанова В. В., 2025

Keywords: law, censorship, legal censorship, legal education, administration, national security, information attacks.

For citation: Gubanova V. V. Retrospective view on the intersectoral institute of legal censorship // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 11–20. (In Russ.)

Введение

Сегодня понятие «цензура» достаточно прочно вошло в обиход дискуссий на площадках различных уровней и масштабов. Несмотря на то, что цензурная деятельность как явление общественно-политической жизни имеет глубокие исторические корни, что является выгодным условием для наиболее качественного осмысления сущности любого явления, на современном этапе прослеживается тенденция, при которой термин, обретая ярко идеологизированный окрас, теряет свою описательную функцию. Данный процесс выражается в том, что вместо того, чтобы раскрывать смысл подразумеваемого феномена, термин, в конечном счете, затемняет его. Так, сформировавшееся априорно негативное восприятие цензуры как орудия недемократического государства затмило в массовом сознании его первоначальный, в достаточной мере нейтральный функциональный смысл.

В наиболее широком смысле цензуру определяют следующим образом: «социокультурная система, предназначенная для контроля над созданием, распределением, хранением и потреблением информации, действующая в соответствии с потребностями и интересами организующей ее властной инстанции»¹. Анализируя приведенное определение, следует учитывать, что потребности и интересы властного субъекта могут быть обусловлены объективной необходимостью обеспечения общественного порядка, защиты моральных ценностей общества, в том числе и путем предотвращения распространения деструктивной информации, которая вполне может создавать угрозу национальной безопасности госу-

дарства. Комментируя цели западных элит по нанесению «стратегического поражения России», В. В. Путин отмечает, что «они также не могут не отдавать себе отчет в том, что победить Россию на поле боя невозможно, поэтому ведут против нас все более агрессивные информационные атаки»².

Несмотря на нейтральность и даже очевидную эвентуальную позитивность практики цензурной деятельности государства, широкое восприятие цензуры в качестве негативного явления не возникло случайно. Оно обусловлено историческими прецедентами использования властными субъектами механизмов контроля над информацией для подавления инакомыслия, монополизации повестки публичного дискурса и манипуляции общественным сознанием в направлении торможения процесса развития общества. Чтобы глубже разобраться в природе цензуры и причинах ее негативного аксиологического статуса в общественном сознании, следует обратиться к историческим истокам.

Методы

Исследование проведено с использованием методологического комплекса, включающего всеобщий диалектический, общенаучные системно-структурный и функциональный методы, общелогические приемы, а также формально-юридический и сравнительно-правовой частно-научные методы.

Результаты

Древность цензурных явлений задокументирована во множестве литературных памятников, ученых трактатов, энциклопедий и словарей. Анализ исторических источников показывает, что в античных

¹ Бакун Д. Н. Цензура // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2020). URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/4674643 (дата обращения: 01.01.2025).

² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обществах цензура рассматривалась в качестве важного элемента культурной политики государства, направленной на поддержание общественного порядка и ключевым образом на воспитание граждан.

Древнегреческий философ Платон выдвигал идею строгой регуляции мифов и произведений искусства, рассматривая их в качестве мощного инструмента формирования моральных и социальных норм. В своих трудах он подчеркивал, что произведения искусства, которые могут воздействовать на психику и мировоззрение граждан, должны быть тщательно отобраны и соответствовать определенным идеологическим стандартам. Так, античный мыслитель писал: «Разве можем мы так легко допустить, чтобы дети слушали и воспринимали душой какие попало мифы, выдуманные кем попало и большей частью противоречащие тем мнениям, которые, как мы считаем, должны быть у них, когда они повзрослеют? Мы этого ни в коем случае не допустим. Прежде всего, нам, вероятно, надо смотреть за творцами мифов: если их произведение хорошо, мы допустим его, если же нет – отвергнем» [1, с. 59].

Формулируя патриархальную теорию происхождения государства, ученик Платона также обращается к вопросам воспитания подрастающего поколения. Аристотель пишет: «Люди <...> первые познания приобретают путем подражания» [2, с. 648], что предполагает наложение ограничений на негативные проявления в поведении тех, кто является субъектом обращенного на них процесса подражания.

Таким образом, в эпоху античности цензура рассматривалась в качестве важного элемента культурной и образовательной политики государства. Первые теоретические концепции и практики контроля над информацией были тесно связаны с нравственным воспитанием членов общества.

Эмиль Дюркгейм писал: «Не существует института, который бы в определенный

момент не вырождался» [3, с. 17]. В рассматриваемом историческом контексте применительно к институту цензуры с этим утверждением можно отчасти согласиться: цензура, изначально ориентированная на защиту общественных интересов, со временем стала подвергаться значительной деформации. Особенно ярко это проявилось в середине II века до н. э., когда Аттическая Греция попала под власть Рима, основывавшего свое государство на принципах военной мощи. В этот период институт цензуры претерпевает изменения, частично модифицируется из средства защиты общественного сознания в инструмент активного управления обществом и даже манипуляции политической реальностью. Содержание связанных с цензурой понятий значительно расширяется. В Древнем Риме возникает специальная должность цензора – лица, ведавшего оценкой имущества граждан, следившего за поступлением налогов и за общественной нравственностью¹. В сочинениях Цицерона можно встретить более широкий перечень обязанностей и полномочий цензоров. В целом в своих произведениях Цицерон рассматривает цензуру в качестве важного элемента государственной системы управления обществом [4, с. 135].

Анализируя сохранившиеся до наших дней источники относительно предмета настоящего исследования, можно согласиться с выводом И. Е. Левченко о том, что в рассмотренный период «в общественно-политической мысли господствует позитивная трактовка цензуры, которая рассматривается как инструмент государственной или религиозной власти, предназначенный для поддержания порядка и благонравия в обществе» [5, с. 182].

Привычное нам понимание цензуры как «требования от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать

¹ См.: Словарь русского языка в 4 томах (Малый академический словарь) / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988.

сообщения и материалы, а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей»¹ сформировалось значительно позже. Различают предварительную и последующую (иначе – административно-карательную) виды цензуры. «Предварительная предполагает необходимость получить разрешение на выпуск в свет книг, постановку пьес и т. д., последующая заключается в оценке уже опубликованных, выпущенных изданий и т. д. и принятии ограничительных, запретительных (и иных, например, карательных. – *Авт.*) мер в отношении тех, которые нарушают требования цензуры»².

В научной литературе нередко встречается точка зрения, согласно которой последующая цензура появилась позднее предварительной [6; 7], при этом первое формальное свидетельство о последней относят к 1471 г. Однако ретроспективное исследование цензуры показывает, что начало ее становления в качестве атрибута власти было положено еще в эпоху Античности. Хроники свидетельствуют о том, что книга Протагора о богах была сожжена в Афинах, а сам древнегреческий философ вместе с Анаксагором был вынужден бежать из Афин, чтобы избежать наказания за обвинение в безбожии политическими противниками. Древнеримский драматург Гней Невий был заключен в тюрьму, а позже отправлен в изгнание за риторику, направленную против властей³. Все названные примеры являлись воплощением именно последующей цензуры, а не предварительной.

В данной связи необходимо сделать уточнение, что упомянутое выше суждение об очередности возникновения форм цензурной деятельности справедливо лишь с позиции *де юре*, то есть в контексте официальной правовой фиксации цензурных практик. Если рассматривать вопрос с позиции

де факто, то установить, какой вид цензуры возник раньше, крайне затруднительно, поскольку формы контроля над информацией существовали задолго до их институционализации и носили разнообразный характер, обусловленный конкретными социокультурными и политическими условиями жизни общества.

Особая веха в истории цензуры связана с ролью церкви, которая в Средние века приобрела доминирующее положение в вопросах идеологии и политики. Официально церковная цензура была сосредоточена, прежде всего, на сохранении догматической чистоты вероучения, недопущении ересей и борьбе с идеями, подрывающими авторитет церкви. Однако, помимо религиозных целей, цензура активно использовалась и для реализации политических амбиций. Вмешательство церкви в светскую жизнь, ее стремление контролировать образование, искусство и даже научные изыскания делали ее фактически главным регулятором общественных отношений.

Рассматриваемый период стал отправной точкой возникновения классификации цензуры в зависимости от субъекта ее осуществления, при которой стали выделять два вида – светскую и духовную. Последняя сосредотачивалась в руках религиозных институтов общества. Одним из первых известных случаев уничтожения литературы по религиозным мотивам стал прецедент сожжения по решению Никейского собора в 325 г. поэмы «Талия» ересиарха Ария [8, с. 412]. В 405 г. с составлением папой Иннокентием I первого списка еретических писаний [8, с. 412], подлежащих уничтожению, был предпринят серьезный шаг в институционализации церковной цензуры. Процесс составления и издания списков запрещенных книг католической церковью, получивших со временем название Индекса запре-

¹ О средствах массовой информации : закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Лазарев Б. М., Иванов Б. Ю. // Большая советская энциклопедия. Электронная версия. URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/2803.htm#p2756> (дата обращения: 02.01.2025).

³ См.: Советская историческая энциклопедия. М., 1974. Т. 15. С. 716.

ценных книг (*Index Librorum Prohibitorum*), продолжался более полутора тысяч лет (последнее издание вышло в 1948 г., переиздания прекращены в 1966 г.), став одним из наиболее продолжительных и влиятельных явлений в истории цензуры, имеющим далеко неоднозначный характер. В Индекс в разное время были включены произведения авторов, чьи идеи, в конце концов, сыграли не последнюю роль в тех позитивных преобразованиях, которые имеют высокую ценность в современности.

«Вырождение институтов» по Дюркгейму, следует отметить, имеет и обратную, положительно направленную сторону. Практика составления списков запрещенных материалов, возникшая в раннем Средневековье, претерпев значительные изменения, продолжает находить свое место в современных реалиях, в том числе в правовой действительности Российской Федерации. Сегодня такие списки формируются не только и не столько религиозными, сколько государственными институтами власти. Их цель заключается в предотвращении распространения информации, признанной вредоносной. Так, Министерство юстиции России наделено полномочиями по ведению, опубликованию и размещению в сети Интернет федерального списка экстремистских материалов¹. Стал иным состав субъектов, формирующих списки запрещенных материалов, трансформировались, выражаясь актуальной терминологией, объективные и субъективные признаки составов правонарушений, модифицировались методы выявления нарушений, содержательно изменились последствия для нарушителей установленных запретов, неизменной осталась сущность. Любой контроль в области обращения информации есть цензура. Вопрос лишь в том, в чьих руках она сосредоточена и какой цели служит.

Как уже было отмечено ранее, негативное восприятие цензуры, которое стало доминирующим в общественном сознании, сформировалось неслучайно. Достаточно вспомнить судьбы наиболее известных жертв цензуры, сконцентрировавшейся в руках людей, которым в конечном счете сам суд времени вынес обвинительный приговор. Так, инквизицией за свои новаторские взгляды был казнен Джордано Бруно. Небезосновательно лауреат Нобелевской премии в области литературы Джордж Бернард Шоу подметил, что крайней формой цензуры является убийство. Галилео Галилей подвергся преследованию и был осужден инквизицией за поддержку гелиоцентрической системы мира.

Оба ученых впоследствии были реабилитированы, а многие их идеи стали признаны наукой. Эти примеры наглядно демонстрируют ту опасность, которую таит в себе использование цензуры в угоду власти имущих, стремящихся дискредитировать результаты, которые не укладываются в прокрустово ложе их предвзятых убеждений.

Новая веха институционализации цензуры стала связана с изобретением книгопечатания в XV веке, побудившим католическую церковь придать более организованный и всеобъемлющий характер надзору за выходящей в свет литературой. В 1471 г. Папа Римский Сикст VI вводит запрет печати какого-либо произведения без предварительного одобрения его духовными лицами. Католическая церковь преследовала и уничтожала реформационно-гуманистическую литературу за авторством Э. Роттердамского, У. фон Гуттена, И. Рейлиха и многих других авторов². В течение XVI в. в Западной Европе не остается государств, где не была бы введена цензура. Наряду с церковной цензурой, распространяется и государственная, нередко действующая в полном контакте

¹ См.: О противодействии экстремистской деятельности : федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3031; Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 13 января 2023 г. № 10 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 3, ст. 553.

² См.: Советская историческая энциклопедия. М., 1974. Т. 15. С. 717.

те с духовной и расправляющаяся с авторами крамольных произведений с не меньшей жестокостью.

В этот же период цензура оформляется в правовом поле российского государства. Принятый в 1551 г. сборник «Стоглав» давал «право духовным властям конфисковывать неисправленные рукописи. Этим самым вводилась предварительная цензура. Кроме того, Собор предложил духовной власти провести ревизию существующих книг и изъять из употребления неисправленные. Эту меру можно считать последующей цензурой» [6].

Период перехода от Средних веков к Новому времени ознаменуется всплеском социально-утопической мысли. Томас Мор, Томмазо Кампанелла и другие утописты в своих произведениях стояли на позициях необходимости строгой регламентации жизни членов общества, рассматривая цензуру в качестве необходимого условия счастливой жизни граждан [9, с. 96–97]. Жители Утопии Томаса Мора считали ниже человеческого достоинства воззрения, согласно которым «души гибнут вместе с телом и ... мир несется зря». Мыслящих подобным образом они «не признают даже человеком, так как подобная личность приравняла возвышенную часть своей души к презренной и низкой плоти зверей» [10, с. 58]. В целом можно отметить определенную радикальность взглядов на вопросы информационной «чистоты» общества, которая едва ли красит автора, оправдывающего умаление человеческого достоинства отдельных категорий граждан.

Параллельно развивается критическое направление в осмыслении цензуры. Автор подвергшихся цензуре произведений Эразм Роттердамский на страницах своей острой сатиры «Похвальное слово глупости», в которой обличает пороки общества и власти, с должным пиететом риторически обращается к Томасу Морю: «Ежели кто судит жизнь человеческую, не называя имен, то почему, спрошу я, видеть здесь непременно язвительное издевательство, а не наставление, не увещевание?» [11, с. 46]. С психологической

точки зрения критикует цензуру Мишель де Монтель, ставя ей в пику то обстоятельство, что запрещенные книги только приобретают известность и получают распространение от того, что на них объявляется запрет [12, с. 75–76].

Новое время становится эпохой глубоких изменений в общественном сознании и политических системах государств, что с неизбежностью отражается на подходах к вопросу цензуры. Переосмысление базовых принципов общественного устройства во многом происходит благодаря развитию теории естественного права и концепции правового государства. В центре внимания мыслителей оказались вопросы свободы личности, права на самовыражение и пределы вмешательства власти в частную жизнь. Мыслители Нового времени, такие как Джон Локк, Шарль Луи де Монтескьё, Жан-Жак Руссо, Иммануил Кант и другие, в своих трудах анализируют с прогрессивных позиций природу власти, естественного и позитивного права, прав человека и иных категорий, выходящих на авансцену общественно-политической мысли, а также взаимосвязь между указанными категориями и общественным благом.

Томас Гоббс, признавая государство единственным источником политической силы, критикует власть церкви. Решения духовенства не являются законом, если они не утверждены светским сувереном. «Только суверену принадлежит право назначать судей и толкователей канонических писаний, ибо только он один придает им силу законов» [13, с. 420]. Идеи Гоббса, с одной стороны, отражали складывающуюся государственную практику, с другой стороны, развивали ее. В конечном итоге в период Нового времени церковная цензура, которая долгое время являлась инструментом контроля над общественным сознанием и культурной жизнью, уступила свое место светскому управлению обществом.

Широкую известность в области нашего исследования приобрело в свое время выступление Джона Мильтона в английском парламенте в 1644 г. Поэт вносит ощути-

мый вклад в развитие проблемы цензуры, опираясь на исторический опыт и религиозные источники, критически анализирует ее, выдвигая в пользу свободы слова ряд аргументов. Выступая против цензуры и поднимая глубокий вопрос о соотношении сознательной, добровольной добропорядочности или «навязанной свыше», он пишет: «Какой акт мудрости или воздержания может быть совершен ... без познания зла? Только тот, кто способен понимать и судить о пороке со всеми его приманками и мнимыми удовольствиями и, тем не менее, воздерживаться от него, тем не менее, отличать и предпочитать настоящее добро, – только тот есть истинный воин Христов»¹. Продолжая мысль, он вопрошает: «Если бы каждое как хорошее, так и дурное действие зрелого человека подлежало наблюдению, приказанию и побуждению, то чем была бы тогда добродетель, как не одним названием?»². Трудно возражать представленному Мильтоном аргументу, поскольку невозможно не согласиться, что осознанное, волевое следование добродетели стоит гораздо выше слепого следования запрету или предписанию. Далеко не все апологеты цензуры учитывали данное обстоятельство. Напротив, пика цензуры зачастую была направлена на подавление самостоятельности мышления членов общества.

К середине XIX в. в ряде западных стран официально провозглашается свобода печати. Упраздняется предварительная цензура, а формы карательной существенно трансформируются. Цензура не ликвидировалась, а обретала новые формы, нацеленные на соответствие идеалам правового государства, где ее функции подчиняются нормам права вместо произвола власти. Это изменение знаменовало важный этап в развитии концепции цензуры: с ангажированного политическими амбициями подавления инакомыслия акцент сместился на установление

правовых границ, что способствовало одновременному сохранению общественного порядка и защите свободы слова как одной из ключевых ценностей демократического общества.

Цензура как инструмент контроля над информацией имеет общие черты в истории своего развития в Европе и России, однако ее эволюция в этих регионах существенно различается в силу исторических, политических, культурных и иных особенностей. Хронологические рамки ее трансформации часто разительно отличаются, что наглядно демонстрирует зависимость этого феномена от уникальных условий развития каждого государства.

Исследователь И. Е. Марцоха, обобщая информацию о функционировании цензуры в российском государстве, предлагает следующую ее периодизацию [14].

С первым периодом (XVIII – начало XIX в.) автор связывает возникновение институционально оформленной цензуры.

Представляется справедливым теоретически ввести еще один этап, предшествующий выделенному исследователем, поскольку ряд цензурных практик существовал задолго до XVIII в., хоть и не был строго институционализирован. Например, в 1073 г. в Киевской Руси издается Изборник Святослава, содержащий в тексте хронологически первый в истории российского государства список отреченных (запрещенных) книг. В XVI в. Стоглавым собором (1551 г.) вводятся меры по наблюдению за правильностью переписывания церковных и юридических книг, прослеживаются черты как предварительной, так и карательной цензуры. Данный период можно охарактеризовать доинституциональным этапом развития цензуры в российском государстве (XVI–XVII вв.).

В целом в выделенный И. Е. Марцохой период XVIII – начала XIX в. цензурная по-

¹ Д. Мильтон. О свободе печати. Речь к английскому парламенту (Ареопагитика). Полный перевод с английского под редакцией П. Когана. URL: https://evartist.narod.ru/text2/28.htm#_ftnref40 (дата обращения: 07.01.2025).

² Там же.

литика в Российском государстве отличалась непоследовательностью, что было обусловлено как политическими колебаниями, так и личными предпочтениями монархов. Этот период стал ареной контрастных решений, где периоды относительного смягчения цензуры сменялись этапами усиленного контроля за информационным пространством. Так, на XVIII век пришлось и указ 1720 г. о запрете печати книг без одобрения Духовной коллегии, и распространение периодической печати, и устройство первых вольных типографий, которые все же вскоре стали подвержены предварительной цензуре.

Второй период (начало – вторая половина XIX в.) связан с принятием цензурных уставов. В 1804 г. издается первый Устав о цензуре. Прозванный наиболее либеральным, он устанавливал обязанность цензоров «когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать» [15, с. 8]. Однако отсутствие правовых гарантий и сопутствующий этому административный произвол способствовали нивелированию либеральной повестки Устава 1804 г. Последующие уставы в целом ужесточали цензуру в Российской империи, сужая сферу дозволенного к обсуждению в прессе круга вопросов.

Третий этап (до конца XIX в.), названный И. Е. Марцохой пореформенным, в сущности, мало чем отличался от предыдущего. Краткосрочные периоды ослабления цензуры сменялись ее новыми витками. «В результате всех поправок и «нововведений» цензурное законодательство к 1904 г. свелось по существу к Уставу 1828 г. и уже ни с какой точки зрения не соответствовало требованиям времени» [15, с. 8].

Четвертый этап (начало XX в. – 1917 г.) характеризуется временным отступлением цензуры (Временные правила о повременных изданиях 1905 г. отменяли ее предварительную форму) и параллельным назреванием общественного недовольства многими сторонами государственной политики, в том числе связанной со свободой слова.

Пятый этап – советский. Характеризуя социализм, нобелевский лауреат по экономике Ф. Хайек писал: «Чтобы люди безоглядно поддерживали общее дело, они должны быть убеждены, что как цель, так и средства выбраны правильно. Поэтому официальная вера, к которой надо приобщить всех, будет включать интерпретацию всех фактов... А любая критика или сомнения будут решительно подавляться, ибо они могут ослабить единодушие. В результате не останется буквально ни одной области, где не будет осуществляться систематический контроль информации, направленный на полную унификацию взглядов» [16, с. 244]. В советский период цензура стала не просто инструментом контроля над информацией, а одной из опор государственной власти. Контроль над средствами массовой информации, литературой, театром и кинематографом служил задаче создания монолитной идеологической базы, где любое несогласие или критика рассматривались как угроза системе. Опыт не одного государства показал, что злоупотребление цензурой в конечном итоге не приводит к ее торжеству.

Постсоветский период ознаменован радикальными изменениями в информационно-правовой сфере. Конституция Российской Федерации 1993 г. закрепила запрет на цензуру, провозгласив свободу слова, мнений и информации одним из основополагающих прав граждан. Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» дополнительно гарантировал независимость журналистской деятельности и свободный доступ к информации. Новый подход породил и новые вызовы, поскольку открытое информационное пространство оказалось уязвимым перед лицом множившихся платформ для манипуляции общественным мнением, распространения фейковых новостей и экстремистских материалов. Подобная ситуация ставит перед российским обществом вопрос о границах свободы слова и необходимости ее регулирования.

Вопросы цензуры неслучайно продолжают оставаться в фокусе внимания мыс-

лителей, поскольку она теснейшим образом связана с одним из величайших достижений человечества – свободой слова. Однако свобода слова, как и сама цензура, обладает сложным, неоднозначным характером. Свобода слова может быть носителем как созидательной, так и разрушительной силы, а цензура – инструментом как ограничения прав, так и защиты общественных интересов.

Заключение

Обобщая вышесказанное, отметим, что цензура как практика государственного управления имеет глубокие корни. Истори-

ческий опыт подтверждает ее способность оказывать как негативное, так и позитивное влияние на государственное и общественное благополучие, что предопределяет существование противоречивых оценок этого явления. Однако бесспорно одно: цензура – это эффективный механизм регулирования информационного пространства. В условиях эпохи «холодных» войн и медиа-атак ее положительный потенциал целесообразно направить на решение актуальных проблем российского государства, связанных с защитой морально-культурного ядра общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Платон. Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 3 (1). М., 1971. 685 с.
2. Аристотель. Поэтика. Соч. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 832 с.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1990. 575 с.
4. Цицерон. Диалоги. М., 1966. 226 с.
5. Левченко И. Е. Проблема цензуры в истории зарубежной общественно-политической мысли // Социально-политический журнал. 1996. № 6. С. 179–192.
6. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX веков. СПб., 2001. 367 с.
7. Чирскова И. М. «Тело власти»: цензура как феномен культуры // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 2 (19). С. 47–57.
8. Григулевич И. Р. Инквизиция. Политиздат. М., 1976. 448 с.
9. Кампанелла Т. Город Солнца. М.-Л., 1947. 175 с.
10. Мор Т. Утопия. Academia. 1935. 241 с.
11. Роттердамский Э. Похвальное слово глупости. М.-Л.: Academia, 1931. 239 с.
12. Монтень М. Опыты. В 3 т. М., 1992. 303 с.
13. Томас Гоббс. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. 478 с.
14. Марцоха И. Е. Цензура в России: историко-правовые и духовно-нравственные аспекты // Философия права. 2007. № 3. Ст. 4.
15. Батурин Ю. М. Российский путь к свободе прессы. М., 2017. 50 с.
16. Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: АСТ, 2024. 352 с.

REFERENCES

1. Plato. Collected Works in 3 Volumes. Vol. 3 (1). Moscow, 1971. 685 p. (In Russ.)
2. Aristotle. Poetics. Works. Vol. 4. Moscow: Mysl, 1983. 832 p. (In Russ.)
3. Durkheim E. On the Division of Social Labor. The Method of Sociology. Moscow: Nauka, 1990. 575 p. (In Russ.)
4. Cicero. Dialogues. Moscow, 1966. 226 p. (In Russ.)
5. Levchenko I. E. The Problem of Censorship in the History of Foreign Socio-Political Thought // Social and Political Journal. 1996. No. 6. P. 179–192. (In Russ.)
6. Zhirkov G. V. History of Censorship in Russia in the 19th–20th Centuries. St. Petersburg, 2001. 367 p. (In Russ.)
7. Chirskova I. M. “Body of Power”: Censorship as a Cultural Phenomenon // International Journal of Cultural Studies. 2015. No. 2 (19). P. 47–57. (In Russ.)
8. Grigulevich I. R. Inquisition. Politizdat. Moscow, 1976. 448 p. (In Russ.)

9. Campanella T. City of the Sun. M.-L., 1947. 175 p. (In Russ.)
10. More T. Utopia. Academia. 1935. 241 p. (In Russ.)
11. Rotterdamsky E. In Praise of Stupidity. M.-L.: Academia, 1931. 239 p. (In Russ.)
12. Montaigne M. Experiments. In 3 volumes. Moscow, 1992. 303 p. (In Russ.)
13. Thomas Hobbes. Leviathan, or the Matter, Form, and Power of the Ecclesiastical and Civil State. Moscow: Mysl, 2001. 478 p. (In Russ.)
14. Marzokha I. E. Censorship in Russia: Historical, Legal, Spiritual, and Moral Aspects // Philosophy of Law. 2007. No. 3. Art. 4. (In Russ.)
15. Baturin Yu. M. The Russian Path to Freedom of the Press. Moscow, 2017. 50 p. (In Russ.)
16. Hayek F. The Road to Serfdom. Moscow: ACT Publishing House, 2024. 352 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

В. В. Губанова, адъюнкт.

Information about the author:

V. V. Gubanova, adjunct.

Статья поступила в редакцию 24.02.2025; одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 24.02.2025; approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 20.06.2025.